
ИТОГИ СЪЕЗДА: ЕЩЕ РАЗ О КЛАССОВОМ ВОПРОСЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ФЕМИНИЗМА

Е.И. Гапова

Общественная полемика вокруг Второго женского съезда, состоявшегося в ноябре 2008 года, продемонстрировала то, что постсоветское женское движение оказалось неэффективным: оно не сформировало общности интересов, не предоставив того концепта гендерного равенства, с которым общество могло согласиться, но само стало «симптомом» социальной дифференциации. Очевидно, это произошло потому, что главный социальный процесс постсоветского периода — формирование «классового» неравенства — включает в себя осуществление новых форм доминирования, в том числе гендерного.

Ключевые слова: гендер, класс, академия, гендерные исследования, власть, политическое участие, общественные движения, постсоветский период

Понимаю, что время гендера прошло. В нашей (пост-советской) части света оно, может, никогда и не наступало. Мы взяли гендер, когда нам позволили его взять (... как пишет Майнхоф — «Они обрели избирательное право тогда, когда избирательный бюллетень перестал быть инструментом общественных изменений») ... Я так думаю потому, что вдруг поняла, что лично для меня — как исследователя и преподавателя — категория гендер (как полезная категория анализа) перестала работать. Когда-то работала — то есть я верила, что гендер работает, а потому все складывалось (как пазл). Но сейчас нужен другой концепт, который бы не просто объяснял, что происходит (кто виноват?), но давал ответы на все последующие вопросы (что делать?) [Гусаковская, 2009].

Исследователь академической жизни и интеллектуалов французский социолог Пьер Бурдьё писал, что структура академии воспроизводит посредством своей институциональной логики социальную иерархию и структуру власти [Bourdieu, 1988]. Анализ академии дает ключ к пониманию тех властных отношений, которые существуют за ее пределами

и находят выражение как в способах существования и трансформации академических институтов, так и в содержании производимого знания. В приведенной выше обширной цитате выпускница магистерской программы, связавшая свое научное будущее с гендерными исследованиями, по сути дела, ставит под вопрос саму категорию, ставшую основанием для формирования целого академического поля. По ее мнению, этот концепт по каким-то причинам «не работает» на постсоветском пространстве: он, с одной стороны, не объясняет социальных фактов (или перестал их объяснять), а с другой, — не ведет к тем социальным изменениям, которые многими исследователями связывались с гендерной теорией. Иными словами, для молодой исследовательницы проблема академического концепта видится как проблема того социального порядка, которые этот концепт должен описывать.

Этот текст является «продолжением» статьи «Классовый вопрос постсоветского феминизма или об отвлечении угнетенных от революционной борьбы», опубликованной в 2007 году в журнале «Гендерные исследования». Предметом той статьи, написанной «в ответ» на поставленный когда-то феминистским теоретиком Джоан Скотт вопрос: «Каким образом “гендерные исследования” производят свое знание, с какой целью и каким результатом?» [Scott, 2000], были социальные обстоятельства производства знания — гендерных исследований — на постсоветском пространстве. Меня интересовало, что такое постсоветские гендерные исследования как символический продукт и в какую систему социальных отношений они включены. Текст был сосредоточен на социологическом анализе постсоветской академии, то есть на том, как продукт по-знания зависит от обстоятельств своего производства и как проблема «гендерного равенства», сформулированная в академии как необходимая часть демократического проекта, может быть интерпретирована в терминах постсоветского передела власти.

С течением времени стало очевидным то, что проблема требует дальнейшего осмысления. Импульсом к продолжению разговора о социальном месте гендера в отношениях власти, реструктурировании социального неравенства и выработке концепта «гендерного равенства» стал прошедший в ноябре 2008 года Второй Всероссийский женский съезд, а также те обсуждения, которые он вызвал как в феминистском сообществе, так и вне его. Содиректор Московского Центра гендерных исследований Ольга Воронина написала небольшой текст, в котором рассказала, как (или, вернее, кем) готовился и проходил съезд, а также о реакции на него некоторых активисток феминистского сообщества. Одна из них на основании увиденного и услышанного на съезде сделала заключение, что (в России) «происходит люмпенизация женского движения» [Воронина, 2009]. Эта оценка (которую я буду разбирать подробнее далее), содержащая сильные классовые коннотации, свидетельствует о том, что по

каким-то причинам та форма женской солидарности, которую продемонстрировал съезд, оказалась неприемлемой для значительной части женщин, называющих себя феминистками. Это свидетельствует о формирующихся (или сформировавшихся) социальных разделениях как среди женщин, так и в постсоветском обществе в целом. Анализ этих разделений важен для понимания того, почему проект «гендерного равноправия» оказался в целом неуспешным в нашей части света, то есть не привел к ожидаемой трансформации отношений власти.

Я начну с краткого изложения некоторых аргументов, разработанных в предыдущей статье, а затем перейду к рассмотрению того, что сделала очевидным нынешняя ситуация.

Гендерные исследования и «что там увидела Алиса»

Гендер — как и секс — был у нас не всегда: он появился в конце перестройки вместе со сменой научной, а также социальной парадигм. Изменения в научной сфере начались с общей делегитимации, то есть постановки под сомнение гуманитарного и социального знания, произведенного в советский период. Это выразалось, в частности, в набирающем силу убеждении в том, что «советское знание» было политизированным, исходящим из ходульного варианта марксизма, необъективным (искомый ответ заранее подгонялся под ожидаемый и всегда, таким образом, выполнял свое собственное предсказание) или, иначе говоря, являлся неправдой. Кроме того, со временем это знание начало рассматриваться как отсталое, не соответствующее тем идеям и теориям, которые не только разрабатывались в западной академии, но и имели широкое хождение в публичном — интеллектуальном и художественном — пространстве западного мира. В популярном советском воображении эти теории были капиталом современного и образованного человека: оперирование ими рассматривалось как свидетельство принадлежности к развитому миру и образу жизни — где все мы хотели находиться, но не могли по причине «социализма».

Особое отношение к знанию, его значимость в социальной системе частично являлись следствием того «высокого статуса культуры и науки», который был характерен для советского периода. Я писала о том [Гапова, 2004; Гапова, 2005], что при социализме, в отсутствие рынка и сколь угодно значительного экономического неравенства, социальная стратификация была не экономической, а статусной (наподобие сословного деления при феодализме), где доступ к редким и поэтому ценным «товарам» регулировался не высокой ценой (как при классовом неравенстве), а централизованным распределением по спискам, льготам, категориям в соответствии с приписанным статусом (ветеран, инвалид, писатель и т. д.). «Ценными товарами», или тем, что доступно не всем, могли быть как вещи, так и культурные события, театральные премьеры, путе-

шества, книги, которые являлись символами статуса, то есть принадлежности к привилегированной группе, в частности, интеллигенции. Именно поэтому в конце 1980-х годов так силен был интерес к публикациям ранее запрещенной литературы: ее неожиданная доступность давала ощущение того, что старые социальные разделения начали исчезать, что иерархии рушатся... чтобы впоследствии быть замененными на другие.

Среди интеллигенции как относительно привилегированной группы [King, Zelenyi, 2004] одним из символов статуса была возможность читать выведенные из публичного доступа тексты (они были «ценным товаром») и заниматься научными темами, которые требовали знакомства с западной литературой. Доступ к библиотечному спецхрану был доказательством доверия со стороны власти, а допущенное к профессиональному чтению современной западной теории сообщество исследователей обязано было заниматься марксистской критикой буржуазной науки: иное отношение к ней было невозможно. Однако во время перестройки в процессе делегитимации советского знания и одновременно расшатывания социальных иерархий в крупных городах стали складываться группы по освоению (изучению, распространению) «западного» или «нового» знания. Эти группы функционировали как научные семинары, клубы книголюбов. Подобный интеллектуальный активизм подробно описан болгарской исследовательницей Мигленой Николчиной в эссе [Nicolchina, 2002] о философском «семинаре», объединявшем академических работников и ставшем в некотором смысле кузницей новых интеллектуальных кадров, а также каналом, по которому в научную среду позднего социализма проникали новые теории: на заседаниях обсуждались психоанализ, феминизм, немарксистская философия. М. Николчина проводит неявную связь между «семинаром» и политической оппозицией, а также рассматривает его как инструмент, посредством которого независимые интеллектуалы начали занимать место в возникающем публичном пространстве. В 1989 году сотни участников «семинара», хотя и не являвшиеся в строгом смысле диссидентами, но выстроившие свои новые «карьеры» в альтернативной официальной академии структуре, вышли на улицы.

В этом контексте на тогда еще советское пространство пришел, среди прочих новых слов, и термин «гендер». Его ввели в обиход «академические» женщины столичных городов, которые начали заново формулировать значимый для них, но не имеющий в СССР названия «женский вопрос»: они создали первые феминистские группы и, собственно, стали коллективными авторами нового дискурса. Основательница Московского ЦГИ Анастасия Посадская объясняла заимствование термина следующим образом:

Следуя за дискуссиями среди феминисток, было решено ввести в русский язык слово «гендер», чтобы избежать всякие ложные кон-

нотации и создать ситуацию, когда людям будет интересно содержание незнакомого слова. Введение концепции «гендера», с одной стороны, позволило расширить различия между биологической и социальной сторонами в конструировании феминности и маскулинности..., с другой стороны, оно явилось важным инструментом для того, чтобы избежать критики относительно «забвения мужчин». Но, что было особенно важно, оно открыло возможность введения женских исследований в России в глобальные феминистские дебаты, позволяя преодолеть их историческую изоляцию, как и претензию (ненамеренную) быть «совершенно специфическими» [Посадская, 1996. С. 21].

Концепт гендера был введен в публичный обиход теми, кто, работая в академических структурах, ощущал там свою маргинальность как *женщины* и мог знать о нем благодаря возможности изучения не всем доступных текстов, поездкам за границу с родителями или в научные командировки, контактам с западными интеллектуалами, то есть обитанию в том месте и той среде, где было возможно освоение западной парадигмы социального знания. Очевидно, этот концепт отвечал тем «тревогам», которые не могли быть описаны в привычных категориях социального анализа. Он был необходим, чтобы понять и назвать, а его заимствование означало готовность (части) общества принять это новое объяснение организации социальной жизни, так как

...любой терминологический импорт ключевых понятий превращается в импорт эпистемологический, выполняющий не вспомогательную, техническую, обслуживающую, а скорее, ведущую теоретическую функцию [Ушакин, 1999. С. 71].

Новый термин давал *имя* текстуре личного опыта людей, которые в этот момент поняли, что их личное является политическим, то есть что они могут быть «объединены» на основе описания посредством нового концепта: не *пола* (который у нас благополучно был, приписанный с самого рождения), но *гендера* как места в социальной структуре и как особого опыта. В определенном смысле «гендер» — как перспектива осмысления себя и общества — был ответом на вопрос о том, что происходило с нами помимо и вне нашей воли. Мы стали участницами огромного социального сдвига, который происходил «через нас»: наши тела (которые мы стали ощущать по-другому) и судьбы; он осуществлялся нами и вместе с тем вне нас: мы не могли им управлять. «Гендер» был тем первым «словом» разворачивающейся вокруг эпохи, которое помогало по-новому структурировать социальную реальность и помещать себя и других в некоторые значимые позиции.

Вместе с тем «гендер» как сообщество людей, которые были знакомы с новым концептом, вовлекал нас в ту самую деятельность и образ жизни, которые формируют восприятие окружающего и отношение

к нему. «Гендер» был связан с новыми формами общения, встречами с другими людьми, знакомством с другими текстами, а потом и созданием этих текстов на своем языке, не обязательно русском, с чувством солидарности и общей тайны или, скорее, сакрального знания, то есть непосредственно с производством субъектности. В то же время «гендер» был инструментом смены научной парадигмы и способом вхождения в другую научную жизнь.

С распадом СССР начали создаваться «независимые» (негосударственные) университеты и исследовательские центры. Они появились в рамках процесса освобождения знания от феодальных оков партийного управления научной истиной и из желания интеллектуалов работать с новыми теориями и работать по-новому, то есть изменить саму роль, которую играет в обществе академия и интеллектуалы как группа. Иначе говоря, стать признаваемыми обществом *экспертами*, участвующими на основании обладания особым типом капитала — *знанием* — в формировании политики (в то время как при социализме политику, в том числе и в сфере знания, формировала *партия*). Почти все постсоветские независимые научные структуры либеральной направленности, а также культурные инициативы (журналы, издательства) возникли при серьезной западной финансовой поддержке, ставшей возможной потому, что они рассматривались как проводники новых, демократических идей и воплощение новых профессиональных отношений, основанных на инициативе и активности сотрудников. Таким образом, во вдохновенном процессе освоения вдруг открывшегося мира, что стал тогда возможным еще и в связи с возникновением новых национальных государств, культура и наука оказались непосредственно политическими сферами. Децентрализация всегда увеличивает возможности местных элит: международные фонды, открывая свои офисы в новых столицах, искали для них сотрудников, членов советов и местных экспертов. Таким образом, создавалась новая категория интеллектуальных работников, обладающих особым статусом благодаря своим отношениям с Западом, который поддерживал новые культурные и гражданские инициативы, опираясь на свои представления о том, из чего складывается демократия и кто может быть ее проводником. Новая структурная ситуация, изъяс контроль за распределением ресурсов из рук старых партийных элит, предоставила непредставимые прежде возможности как новым «часовым при западной помощи» (частично выросшим из партийных и комсомольских структур), так и тем, кто виделся непосредственными агентами демократических перемен [Wedel, 2001. P. 88], то есть исследователям и интеллектуалам. Слово «стипендия» обрело новый смысл, оно открывало возможности для проведения исследований, поездок на конференции, работы в западных библиотеках.

В этом контексте как воображаемая основа будущего гражданского общества формировался постсоветский «третий сектор», который виделся как

проект политического убеждения, посредством которого предполагалось преобразовать якобы безответных и пассивных советских людей в активных граждан, сознательных потребителей, защитников собственных прав и интересов [Nemment, 2004. P. 215].

«Гендер» (гендерные исследования и феминистский активизм) сначала относился к третьему сектору и финансировался как его составляющая, так как гендерное равенство, но уже не в советском смысле оплаченного государством декретного отпуска и системы социальной защиты, а в категориях «независимости», «прав человека», «права на собственное тело», то есть автономии от государства, является важной частью этого проекта. «Автономия» и «права человека» предполагают совсем другое, отличное от социализма общественное (прежде всего экономическое) устройство: сообщество свободных граждан виделось воплощением той новой «справедливости прав» и «равных возможностей», путь к которой, казалось, был открыт возникновением рыночных отношений.

Таким образом, феминистские гендерные исследования оказались встроены в контекст эпистемологической «вестернизации», но имели прямое отношение к «демократии» и «правам человека», а потому и получили особый статус. Грантовая политика фондов катализировала развитие этих исследований (развивается то, что финансируется прямо или косвенно), которые как часть западного знания в принципе и существуют в нашей части света. Я не знаю ни одной постсоветской гендерной программы, которая существовала бы без западной поддержки, а взаимодействие с донорами предполагает освоение тех идеологий и ценностей, которые они продвигают [Wedel, 2001]. Без «Запада», как локуса власти, теории и тексты новой гуманитаристики, многие из которых исходят из других представлений о нормативности и научности, оказываются в нашей академии лишены дисциплинарной легитимности и не имели бы возможности преодолеть «академическую цензуру», под которой, говоря о производстве символических продуктов, П. Бурдьё понимал «структуру поля, которое определяет возможность выражения, то есть как доступ к средствам выражения, так и его форму» [Bourdieu, 1994. P. 138]. Иными словами, «просто так» нельзя ввести в академию новые теории, напечатать новые тексты, прочесть новые курсы. Элиты всегда контролируют знание, и академии являются иерархиями, которые воспроизводят себя, а гендерные исследования — это знание откровенно новое, другое, провокационное, с традиционной точки зрения

часто «неправильное»¹. Не признавая его, традиционная академия защищает себя от деконструкции посредством проникновения «чуждого» знания, так как капитал ее сотрудников основывается на иной традиции, а часто на административном ресурсе и целой системе рангов, и смена «парадигмы» грозит им потерей статуса. В «противовес» возник «класс» исследователей, которые профессионально связаны с западной академией, в некоторых случаях даже более тесно, чем с местной. Постсоветские феминистские исследователи, пытаясь говорить о том, для чего в «старой» науке не было даже имени, оказались втянутыми в социальную ситуацию, которой, очевидно, не могут избежать, будучи связаны с западноориентированной географической, а следовательно, и восходящей социальной мобильностью.

Таким образом, постсоветские гендерные исследования в значительной мере осуществляются за пределами официальной академии, где эта научная область не имеет своего организационного пространства: источников финансирования (если нет дисциплины, не может быть денег на ее развитие), позиций на кафедрах, учебных часов и концепта гендера в библиографических классификациях, что означает отсутствие своего когнитивного пространства. Без когнитивных категорий нет и установленного «канона», системы оценки и рецензирования и, таким образом, академического рынка для новых текстов. Для официальной академии (университетов, ВАКа, научных советов), сопротивляющейся переменам, новые научные инициативы часто «не существуют», критерии для определения их качества не установлены, публикации в новых журналах и изданиях не учитываются при защите [Усманова, 2005. С. 40–62] и, таким образом, признание и поддержка их западной академией становится единственным источником научной легитимности.

Возник парадокс – хотя гендерные исследования создавались «вопреки» академическому истеблишменту, чтобы построить «новую искренность» в науке, говорить «новую правду» о нас, – престижная «новая гуманитаристика», теоретический инструмент демократизации, стала линией социального разделения, оставив за бортом огромное академическое сообщество тех, кто не обладал литературным и культурным капиталом для производства «нового знания» (не буду останавливаться на причинах) либо обязан своим научным статусом старой системе. Однако многие из тех, кто, испытывая проблемы и как женщины, и как исследовательницы, пытаясь осмыслить проблемы либо просто желая попасть в ставшую престижной область, начали писать о «женском вопросе», обращаясь к той научной традиции, которая была под рукой и – главное – которая была признана и востребована в той академии,

¹ См., например, статью Галины Зверевой о постсоветских гендерных исследованиях [Зверева, 2001].

частью которой они являются, то есть опираясь на академический когнитивный и институциональный ресурс. Таким образом, возникла область, которую иногда называют «феминологией», или «гендеристикой», но которую гендерные теоретики обычно называют «ложными гендерными исследованиями». Если гендерная теория является одним из вариантов «теории конфликта», которая рассматривает все социальные взаимодействия в перспективе власти (как борьбу между различными группами за власть, ресурсы и статус), то так называемые «ложные гендерные исследования» — описательная область, не предлагающая новой теории, а вместе с ней и деконструкции властного порядка. В таком виде «гендер» (и те новые отношения власти, которые новая теория должна была привести) на нашем пространстве перестает быть тем, ради чего этот концепт был выработан: средством критического осмысления, деконструкции и *изменения* мира. Он становится способом *легитимации существующих властных отношений*. Александр Першай в известной статье о постсоветской гендерной лингвистике называет это явление «колонизацией наоборот» [Першай, 2002. С. 236–249]. Он считает, что провокационная новая теория, деконструирующая сложившиеся отношения власти, оказалась «колонизированной», поглощенной старой, описательной, неспособной к деконструкции (а только лишь к «фиксации»), новые термины утрачивают свое радикальное содержание и используются для продвижения того самого «старого знания», которое, казалось, так бесславно исчезло пятнадцать лет назад под напором новой гуманитаристики.

Уроки съезда

Описанное выше противостояние между видами знания может быть интерпретировано как «классовая борьба» между группами, обладающими различными культурными капиталами (условно говоря, «советским» и «несоветским») и структурой ресурсов за контроль над полем символического производства. В современной социальной теории классы рассматриваются не как «коллективы» или реально существующие группы людей (как у интерпретаторов Маркса), а как «режимы дифференциации», действующие в рамках процесса различения. «Класс» является широким организующим концептом, используемым для описания значительного круга проблем социального неравенства и социального исключения, а классовобразование видится как конструирование социальных границ. Вслед за П. Бурдьё, под рубрикой «класса» стало принято объединять культуру, стиль жизни, образование и вкус. Различные классовые культуры являются режимами социальной дифференциации: при их демонстрации порождается иерархия и — при отсутствии культурных достижений, считающихся свойственными группе, —

у «несостоявшегося» возникает чувство «классового стыда». Иными словами, можно говорить о «классе», не прибегая к понятию экономического неравенства, а также конструировать его (то есть собственное место в социальной иерархии) через демонстрацию «вкуса» и стиля жизни и декларацию своего отличия от «других» или на основании обладания знанием.

Прочитанное выше высказывание о «люмпенизации женского движения» является примером конструирования классового различия посредством дискурса. Интеллектуалы привыкли считать себя глубоко индивидуализированными агентами и не любят помещать себя внутри классовой структуры или признавать свою «социальную принадлежность» на том основании, что редко обладают значительными материальными ресурсами: «у меня ничего нет, я интеллигентный человек», обычно говорим мы о себе (подразумевая при этом, что наше богатство — это особая духовность, культура и знание). В то же время обладатели знания конструируют иерархии, претендуя на особые идентичности и исключая других как менее культурных или образованных, а эта стратегия соединяет социальную идентичность и стремление к доминированию, то есть предполагает трансформацию знания во власть.

Такое понимание класса позволяет рассматривать академическое разделение (в области гендерных исследований или другой области) как «классовое различие», в значительной степени связанное с социальной историей исследователей (то есть возможностью доступа к различным научным ресурсам, знакомства с теориями и так далее). Это означает, что

причины, по которым авторы придерживаются определенных взглядов, могут быть связаны не с собственно научной аргументацией; они придерживаются этих взглядов в значительной мере или даже исключительно из-за некоторых обстоятельств, являющихся частью того социального контекста, в котором они работают [Gracia, 2000. P. 194].

Если знание, возможно, — главный капитал современности, равносильно власти, а ее инструментами являются язык и дискурс, то доступ к «властному» знанию становится линией социального разделения в соответствии с различной структурой ресурсов, рисков и возможностей исследователей. В таком случае можно говорить о «классовой» стратификации, то есть создании академической иерархии на основе обладания особым знанием или трансформации знания во власть. В частности автор статьи о Втором женском съезде, узнав, что представительницы региональных женских организаций (НКО)¹ стремятся объединяться

¹ Аббревиатуры НКО (некоммерческие организации) и НПО (неправительственные организации) используются здесь в качестве синонимов.

«без Москвы», прибегает к особому дискурсу как инструменту конструирования доминирующей позиции:

МЦГИ (Московский центр гендерных исследований. — *Е.Г.*), будучи даже не фондом, а региональной общественной организацией, всегда работал на создание и поддержание гендерного сообщества в России. Во всех наших проектах всегда участвовали эксперты и активисты НКО из разных городов страны: мы приглашали их для подготовки экспертизы учебников, написания статей и аналитических докладов по самым разным темам, публиковали эти материалы. Если была финансовая возможность — приглашали «регионалов» на свои конференции и семинары, оплачивая расходы из грантов МЦГИ; платили гонорары за выступления (причем одинаковые московским и региональным докладчикам). МЦГИ дарил книги; безвозмездно, то есть даром, делились своими знаниями; провели около 10 программ стажировок и интернет-школ специально для «регионалов», в том числе и из НКО; собрали, опубликовали и разместили на сайте МЦГИ около 100 учебных программ по женским и гендерным исследованиям, разработанных преподавателями из различных университетов России. А теперь я вдруг узнаю, что нас, московских экспертов, воспринимают как нечто чужое и даже противостоящее женскому движению [Воронина, 2009 (в печати)].

Мишель Фуко писал когда-то о связи между властью и знанием, то есть о стремлении интеллектуалов участвовать во власти на основании обладания знанием. Указывая, что без теории, разработанной гендерными теоретиками, участницы женских неправительственных организаций не могут сформулировать цели борьбы и правильно организовать ее, автор стремится осуществить трансформацию знания во власть и одновременно отстоять особую позицию интеллектуалов как «класса»:

А теперь я вдруг узнаю, что нас, московских экспертов, воспринимают как нечто чужое и даже противостоящее женскому движению. Собственно говоря, этот подход после Второго независимого женского Форума (Дубна, 1992 г.) запустила одна из активисток, сказав нам (МЦГИ): вы ученые, вот и занимайтесь своей наукой, а женское движение будем делать мы, активисты. Но довольно быстро стало очевидным, что если активисты не питаются тем, что создают тяжелым трудом ученые и эксперты, то и женские организации почему-то начинают терять ясные цели и ориентиры своей активности, скатываясь к рутинному воспроизведению привычной активности. И причина слабости женских НПО не столько в сокращении финансирования, потому что уже давно западные фонды переориентировались с Москвы на регионы, сколько в неумении НПО четко сформулировать стратегические цели и тактические задачи своей работы. В результате НПО сдают позиции, перестают защищать идею прав женщин и гендерного равенства и начинают пристраиваться «под крыло» власти [Воронина, 2009 (в печати)].

Я не рассматриваю в данном случае вопрос о том, насколько «справедливы» претензии одной или другой стороны, то есть возможно ли социальное движение без «партийного авангарда», порождающего

идеологию и в чем состоит в таком случае роль рядовых членов движения. Меня интересует «классовое различие», то есть антагонизм, связанный с различными позициями в структуре властных отношений, вышедший за пределы академии в «реальную жизнь» и, таким образом, ставший непосредственно политическим разделением, которое становится очевидным при анализе полемики вокруг Второго женского съезда. Как известно, Первый съезд состоялся в 1908 году, когда жительницы Российской Империи боролись за избирательное право, равную оплату за равный труд и возможность получать высшее образование. Так как съезд был созван либеральными организациями, он почти не упоминался в советских учебниках, где решение женского вопроса связывалось с Октябрьской революцией и построением социализма. Факт Первого съезда был «обнародован» только после перестройки в русле изучения «женской истории», однако интерес к нему вряд ли вышел за пределы круга исследователей и активистов. Неожиданно о столетнем юбилее съезда вспомнила «женская общественность», работающая в сотрудничестве с российской властью:

Весной 2008 г. Наталья Дмитриева, Председатель-координатор Комитета по консолидации женского движения в России, стала очень настойчиво приглашать московских исследователей и активистов НПО войти в состав оргкомитета по подготовке мемориального мероприятия. До тех пор ни я, ни другие гендеристки и активистки НПО не слышали и не читали ничего, подготовленного в области прав женщин госпожой Дмитриевой или собственно Комитетом по консолидации, который не имеет официальной регистрации, но зато имеет офис на Новом Арбате, в здании Совета Федерации. На первую встречу будущего оргкомитета в мае многие исследовательницы и активистки пошли скорее из любопытства. И там как-то само собой составил оргкомитет, и, разумеется, председательшей стала госпожа Дмитриева. С ее стороны звучали уверения, что есть поддержка со стороны администрации президента, что есть спонсоры, и надо проводить региональные конференции с выдвижением делегатов... [Воронина, 2009 (в печати)].

Способы организации съезда, состоявшиеся там обсуждения, темы полемики и принятые резолюции вызвали критику со стороны феминистского сообщества, считавшего необходимым серьезное обсуждение проблемы гендерного равенства:

те участницы оргкомитета, кто 20 лет боролся за права женщин и гендерное равенство... настаивали на необходимости включения гендерной тематики в программу съезда и не поддерживали идею объединения всех женских НПО в одну организацию с непонятной концепцией... [Воронина, 2009 (в печати)].

Однако участницы, прибывшие из российских регионов, специально подчеркивали, что не являются феминистками (и желают объединяться

«без Москвы», то есть, очевидно, без тех, «кто 20 лет боролся за права женщин»). Заметка информагентства ЭкстраMedia, озаглавленная «Сообщества женщин Забайкалья против феминизма», цитировала одну из сибирских делегаток: «Мы не считаем себя феминистками, даже против такого явления, просто женщины — такие же граждане России и хотят активно участвовать в ее развитии» [Сообщества женщин Забайкалья... 2008]. Поэтому следует принять меры законодательного характера:

В реалиях сегодняшнего времени женщины мало влияют на социально-экономическую и политическую ситуацию в России, хотя, по данным социологов, современная российская женщина — хорошо образована, менее подвержена вредным привычкам, более ответственна. — Поэтому одним из важнейших решений на съезде было предложение о внесении изменений в избирательное законодательство и закона «О политических партиях», которые могли бы обеспечить выравнивание позиций мужчин и женщин в российской политике, — сказала начальник отдела управления по связям с общественностью губернатора Забайкальского края Вера Сазонова. — Мы считаем, что в списках от политических партий число кандидатов одного пола не должно составлять менее 30 процентов [Сообщества женщин Забайкалья... 2008].

Очевидно, что «нефеминистки» озабочены статусом женщин и ставят целью участие в экономике и политике и введение квот в политических партиях: иначе говоря, они сосредоточены на тех же проблемах, что и феминистки (которые тоже иногда обсуждают квоты, хотя большинство считает их проблематичным инструментом для обеспечения политического участия). Тем не менее два лагеря оказались по разные стороны баррикады: в отличие от «феминисток», которые связывают женское участие в политике с широкими общественными изменениями (как и насколько это возможно в принципе — другой вопрос), региональные участницы прямо говорили о желании участвовать во власти, но просили *мужчин взять их туда*:

И женщины предлагают мужчинам свою конкретную помощь, но мужчины с большим подозрением и опаской смотрят в сторону женщин. Скорей всего, боятся они нас, таких неумных, энергичных, волевых и сильных. Нашим дорогим мужчинам нужны слабые, нежные, тонкие натуры. Но на съезде я увидела женщин сильных, волевых, терпеливых, трудолюбивых, умеющих предлагать, организовывать, руководить, воспитывать, кормить, примирять и т. д. Колоссальный потенциал!!! Мужчины: «Обратите же внимание на нас!» [Выступление Гаревой, 2008].

Этот призыв — выразительное культурное свидетельство того, как выстроена постсоветская властная иерархия с гендерной точки зрения. Очевидно то, что многие региональные участницы не видят женское политическое участие результатом социальных изменений либо потому, что считают это в принципе невозможным, либо потому, что не представляют

иной формы политической жизни помимо «советской», когда члены Верховного Совета (не обладавшего реальной властью), в котором для женщин было зарезервировано 30 процентов мест, не избирались в рамках соревновательного процесса, а «назначались» на основании преданности режиму. Более же всего феминистское сообщество было возмущено тем, что организаторы съезда, преследуя свои интересы, *предлагали себя власти*, то есть не неким абстрактным «мужчинам», а конкретно российскому истеблишменту:

Сам факт, что довольно случайная, не слишком компетентная группа малоизвестных предпринимательниц практически узурпировала наследие Первого съезда, назначила непонятно по какой причине Второй съезд на основах православия и поддержки действующей вертикали власти, отменив похода целые исторические эпохи (с трибуны Колонного зала было объявлено, что весь советский период и 90-е должны быть вычеркнуты непосредственно) и заодно все независимое женское движение последних двадцати лет — заслуживает внимания. Главным образом — почему, собственно, этому никто не противостоял... Ведь понятно стало довольно быстро, что бойкие девушки преследовали простую и понятную цель — предложить власти в качестве товара для последующего финансирования некое сложившееся движение со столетней историей... [Ажгихина, 2009].

Возникает вопрос: почему женщины, желающие участвовать в решении проблем общества и в политике, вынуждены «предлагать себя власти»? Почему они не могут делать все это «от своего имени» и ищут мужскую «группу поддержки»? Очевидно, потому что их собственный статус низок, а политический капитал мал и не дает возможности равноправного участия. Во время обсуждения Второго съезда в электронном листе рассылки, организованном Харьковским центром гендерных исследований, одна из участниц написала о собрании по выдвижению делегатов на съезд, который один из присутствующих мужчин назвал «Баб-советом» (большие буквы в цитате — стилистика автора сообщения):

Еще ОЧЕНЬ порадовал ПАКЕТИК, который вручали при регистрации. В нем были: бумажечка (по-другому не назовешь — одна четвертая часть листа А4) — порядок работы; календарь на 2009 г., претендующий на визитку (указаны только ФИО и регалии) председателя отделения; ксерокопия из Женского журнала за 2008 г. № 1 начала статьи М. ЖВАНЕЦКОГО «Исчезновение». И самое главное — ПОЛИЭТИЛЕНОВЫЙ ФАРТУК!!!! [Сообщение Быковой, 2009].

Каким образом получилось так, что после почти двадцати лет более или менее демократического развития, когда появились возможности артикуляции и отстаивания своих интересов различными группами, мы видим, как постсоветские женщины определяются через «полиэтиленовый фартук», в результате чего одна часть их *просит* «взять их во власть», в то время как другая, хотя и не «просит» (и даже возмущена

такой просьбой), но тоже не имеет возможности «прийти и взять»? Феминистский теоретик Ирина Жеребкина сформулировала это как вопрос о самой возможности «низовой демократии»:

И параллельный вопрос: не является ли этот факт возвращения концепта на уровне управляемой демократии сигналом о невозможности низкой демократии — той, которой когда-то занималось во времена перестройки большинство из старшего поколения гендерных исследовательниц в наших странах? Например, в... августовской дискуссии о войне содержится актуальная информация о том, как — на примере феминистского искусства как политических практик низкой демократии Глюкли и Цапли, членов группы «Что делать?» — такая феминистская низовая демократия отвергается женщинами Дона... [Сообщение Жеребкиной, 2009].

Иными словами, почему женское сообщество отвергает те практики, которые предлагают постсоветским женщинам феминистские активности?

Пол и класс после социализма

Поиск ответа на вопрос о возможности на постсоветском пространстве женской «низовой демократии» требует обращения, помимо категории гендера, также к категории класса. Некоторые теоретики посткоммунизма полагают, что основным социальным процессом, «запущенным» распадом СССР, стало формирование экономического неравенства и классовых отношений, перераспределение собственности, возникновение новых форм доминирования и исключения: произошла трансформация советского статусного неравенства в экономическое [Piirainen, 1997] или «высвобождение класса» (по словам болгарского социолога Диметрины Петровой). В последние годы этот процесс, по крайней мере, в России и Беларуси, был замедлен (или остановлен? после того, как собственность была переделана и властные позиции «распределены») при помощи изменения социальной политики, частично в рамках «борьбы с олигархами». Рассмотрение этих процессов не входит в задачи статьи, однако важно то, что именно формирование нового неравенства и экономический передел определяли в 1990-е годы «переговоры о власти».

Одновременно с формированием экономического разделения происходило реформирование гендерного порядка или «социальной организации полового различия» (как определяет гендер Джоан Скотт), при помощи которой конструируются и легитимируются отношения подчинения / доминирования между мужчинами и женщинами. Гендерный порядок реконструируется каждый раз, когда в обществе происходит изменение отношений власти, потому что гендер как организующее

разделение присутствует во всех социальных взаимодействиях. В условиях посткоммунизма гендерная перестройка легитимировала «мужскую привилегию»: «прославление» мужественности, мужской силы с одновременным закреплением власти и собственности за группами мужчин. Параллельно этому шло «одомашнивание женщин»: переопределение их в концептах сексуальности и заботы через дискуссии об абортах, сексуализацию и объективацию женского тела, передачу функций ухода и заботы в «женские руки» (вместо государства) вместе с их вытеснением из некоторых значимых позиций. Переопределение женского часто происходит в рамках «национального возрождения» (требующего от женщин как «матерей нации» чистоты и заботы), однако его основная причина — в процессах классовобразования.

Формирование нового неравенства предполагало деконструкцию метатеории — советского марксизма («старого знания», переставшего отвечать на запросы общества), которое требовалось заместить другими теориями. Как указывает Альмира Усманова, принадлежность понятия «класс» к интеллектуальной традиции, которую общество желало изменить, привело к тому, что термин «гендер» стал замещением использовавшегося ранее основного инструмента социальной стратификации, отвергнутого в новых условиях [Ousmanova, 2003. P. 55]. В некотором смысле «гендер» стал одним из тех инструментов, при помощи которых была «завуалирована» суть происходящего процесса, который стал представляться как освобождение, предоставившее различным группам и народу в целом возможность быть независимыми агентами и отстаивать свои права. Речь не идет, конечно, о «заговоре», однако интеллектуалы и активисты женского движения оказались включены в социальную ситуацию, которой, очевидно, не могли избежать. Женское движение, формируемое при поддержке международных организаций (часто в виде штата сотрудников на зарплате), сконцентрировалось вокруг новых тем, которые нельзя было поднимать в советской науке: насилия, в том числе сексуального, траффика, домогательств, политики репрезентаций женского. Эта либеральная повестка позволила требовать прав и следования «международным конвенциям», но вместе с тем отодвинуть в сторону «вопросы собственности», такие как оплаченный декретный отпуск и бесплатный детский сад. Если при социализме решение женского вопроса связывалось с социальной защитой, то в рамках дискурса демократизации возникла формулировка, ставящая во главу угла «права женщин», их представительство, автономию, независимую субъектность, право на свое тело и сексуальность. «Права женщин существуют отдельно от прав детей» [Арбатова, 2003. С. 44], — писала «главная феминистка» Мария Арбатова, отстаивая женскую автономию. Что касается «детского сада», то он в этот период стал «частным», что ограничило его инструментальную ценность, поскольку этот вопрос может быть решен только через пе-

пераспределение ресурсов для обеспечения «социальных прав». Именно эти меры предпринимают российское и белорусское правительство, однако такие инициативы, исходящие от «государства», имеют патерналистский характер и лишают женщин автономии.

Новый дискурс также «противопоставлял» женщин и мужчин, представив не капитализм (приватизировавший детский сад и ставший причиной угнетения части и женщин, и мужчин), но патриархат (то есть стремление мужчин к доминированию) причиной угнетения (хотя говорить следует об их взаимодействии). Новая формулировка гендерного равенства отражала другое общественное устройство, а вместе с ним и интересы женщин, которые имеют доступ к ресурсам или капиталам (культурным, символическим или экономическим) и заинтересованы в равных возможностях для осуществления карьеры. Те же женщины, которые в результате постсоветских реформ не получили доступа к новым возможностям, часто считают «феминисток» враждебными своим интересам, так как «автономия» и «независимость» не дают решения их проблем. Таким образом произошло и разделение внутри женского сообщества: не только не сформировалась женская «классовая солидарность», то есть идентичность женских интересов, но, наоборот, произошло разделение и разобщение. Общность интересов часто формируется с мужчинами своего социального класса либо вообще не выделяется. Как говорили на Втором съезде некоторые делегатки, сейчас не время делиться на мужчин и женщин, так как перед нами стоит одна общая задача:

мы считаем, что сегодняшние проблемы женского населения не могут решаться отдельно от проблем общества, — рассказала журналистам председатель «Клуба деловых женщин Забайкалья» Валентина Подойницына [Сообщества женщин Забайкалья... 2008].

Очевидно, что «общая задача» является эвфемизмом, который используется для легитимации попадания во власть как «членов общества», а не как «женщин». В свое время часть феминистского сообщества претендовала на участие во власти на основании обладания знанием и способности артикулировать «женские интересы», но знание, как полагал П. Бурдьё, является «вторичным» видом капитала и работает в качестве ресурса, обеспечивающего восходящую социальную мобильность, только опираясь на настоящий капитал или какую-то материальную силу. Если для феминисток такой опорой виделось «международное сообщество», «женское движение», «права человека», то есть ресурсы, обеспеченные позицией Запада, то для «противоположной группы» такой силой стала российская власть:

Пример тому — вступление ряда ранее независимых женских организаций в Движение женщин России (которое имплицитно связано

с партией власти) с последующей идеологической переориентацией с идеи гендерного равенства на заботу о сохранении «традиционных духовно-нравственных ценностей России». Поэтому не люмпенизация движения происходит, а перелицовка женских НПО как элементов гражданского общества на новый, угодный власти лад [Воронина, 2009 (в печати)].

Восходящая социальная мобильность не может, как оказалась, быть осуществлена при помощи женской солидарности и независимого женского движения: ее реализация требует вхождения в мужские властные структуры. Когда группы женщин приветствуют патерналистские инициативы российского (и белорусского) правительства, связанные с «материнским капиталом» и призванные обеспечить увеличение рождаемости, то это происходит не только потому, что эти меры позволяют улучшить их собственную экономическую ситуацию и решить вопрос «детского сада», но и потому, что эта политика дает возможность женщинам «предложить себя власти». Как писала Джоан Скотт, женщины постсоциалистического региона давно находятся в составе рабочей силы и научились подходить к своим проблемам стратегически [Scott, 1988. Р. 213]. Они поняли, что «гендер сам по себе» (женское движение, женская солидарность) не является тем инструментом, который способен изменить властные отношения в условиях формирования классовой стратификации.

«Гендер» как политика борьбы за равенство может быть эффективным только при опоре на «настоящую», реальную силу — если действует в русле с этой силой, а не против нее. Очевидно, что те достижения, которыми (заслуженно) гордится американский феминизм второй волны, стали возможны потому, что в то время в США происходила такая перестройка классовой структуры, которая способствовала наделению властью (*empowering*) цветного населения и женщин, включению их (на определенных условиях) в структуры власти: более *не было необходимости* в том, чтобы осуществлять над ними доминирование, характерное для раннеиндустриальных обществ. Иначе говоря, феминизм стал возможен, потому что общество становилось более демократическим (а не наоборот, как считали тогда многие). Процесс, происходивший на постсоветском пространстве последние двадцать лет, был противоположен этому: это был процесс «разложения родового строя» социалистического равенства и формирования капиталистических отношений, включающий «закабаление» тех групп, у которых нет ресурсов, чтобы ему противостоять. Иначе говоря, постсоветский феминизм шел «против течения», то есть общего социального процесса.

Но если это так, то есть если гендерное неравенство, хоть и существует всегда, но в каждом обществе имеет свою форму, а потому требует адекватных мер — то вопрос состоит в том, как должна быть сфор-

мулирована «цель борьбы» постсоветских женщин. Каким должен быть концепт равенства? За что именно следует бороться? В каком-то смысле, американкам «было легче»: их неравенство было столь очевидным (девушек не принимали во многие университеты до начала 1980-х годов, отсутствовало право на аборт и многое другое), что его деконструкция воспринималась обществом как справедливая и, главное, требовала однозначных действий, приводивших к расширению возможностей для всей группы. У женщин, пытающихся противостоять неравенству после социализма, ответа на вопрос «что делать» в условиях нового распределения власти пока что нет: социалистические меры связаны с патернализмом и подчинением государству, а «антисоциалистические», как показала практика, сами по себе не обеспечивают слышимости «женского голоса». Именно это написала у себя в блоге выпускница гендерной магистратуры Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета, почувствовав, что «гендер» не сыграл той роли в инициации общественных изменений, которая связывалась с этим концептом.

Список литературы

- Ажгихина Н.* Комментарии к дискуссии: Ледниковый период // Гендерные исследования. 2009. № 18 (в печати).
- Арбатова М.* Как я пыталась честно попасть в Думу. М.: Эксмо, 2003.
- Воронина О.* Съезд всех съест (особенности российского женского самосознания на этапе суверенной демократии) // Гендерные исследования. 2009. № 18 (в печати).
- Выступление* Гареевой Голсарии Ризовны, члена Всероссийской общественной организации «Деловые женщины России» // <http://viperson.ru/wind?ID=533256> 16.12.2008.
- Гапова Е.* О гендере, нации, классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2004. № 13. С. 101–118.
- Гапова Е.* О политической экономии «национального языка» в Беларуси // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 405–441.
- Гусаковская Н.* Постинг в Живом Журнале от 18.05.2009 <http://vagrante.livejournal.com/52731.html?mode=reply>.
- Зверева Г.* Чужое, свое другое: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре современной России // *Адам и Ева: Альманах гендерной теории*. М.: ИВИ РАН. 2001. № 2. С. 238–278.
- Першай А.* Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // Гендерные исследования. 2002. № 7–8. Р. 236–249.
- Посадская А.* Женские исследования в России: перспективы нового видения // Гендерные аспекты социальной трансформации / Под ред. М. Малышевой. М., 1996. С. 11–24.
- Сообщение* Быковой Анастасии от 29.01.2009 // <http://www.gender.univer.kharkov.ua/spisok/>.

Сообщение Жеребкиной Ирины от 28.01.2009 // <http://www.gender.univer.kharkov.ua/spisok/>.

Сообщества женщин Забайкалья против феминизма // <http://www.extra-media.ru/politics/?id=11540> 05.12.2008.

Усманова А. Философия и позиция критического интеллектуала сегодня // Топос. Минск: ЕГУ. 2005. № 10. С. 40–62.

Ушакин С. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 71–85.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1994. P. 138.

Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford, California: Stanford University Press, 1988.

Gracia J. Sociological Accounts and the history of Philosophy // K. Martin (Ed.). The Sociology of philosophical Knowledge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000.

Hemment J. The Riddle of the Third Sector: Civil Society, International Aid, and NGOs in Russia // Anthropological Quarterly. 2004. Vol. 77. № 2. P. 215–241.

King L., Zselenyi I. Theories of the New Class. Intellectuals and Power. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press, 2004.

Nikolchina M. The Seminar: Mode d'emploi. Impure Space in the Light of Late Totalitarianism // Differences. 2002. Vol. 13. № 1. P. 96–127.

Ousmanova A. On the Ruins of Orthodox Marxism: Gender and Cultural Studies in Eastern Europe // Studies in East European Thought. 2003. Vol. 55. № 1. P. 37–50.

Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structures and Everyday Life. Hanover: Dartmouth University Press, 1997.

Scott J. Some More Reflections on Gender and Politic // Gender and Politics of History. N. Y.: Columbia University Press, 1988. С. 199–221.

Scott J. Fictious Unities: «Gender», «East», and «West» – Paper presented at the 4th European Feminist Research Conference. Bologna, Italy, 2000.

Wedel J. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. Palgrave for St. Martin Griffin, 2001.

Елена Ильинична Гапова

канд. филол. наук, доцент кафедры социологии Western Michigan University,
сотрудник Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного
университета

электронная почта: e.gapova@gmail.com
